

*Цзя Ян, аспирант.
Научный руководитель – Л. А. Шкор,
кандидат искусствоведения, доцент*

СВОЕОБРАЗИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ИСКУССТВА: СИНКРЕТИЗМ ЮЭ

В древнекитайском музыкальном искусстве музицирование, пение и танец характеризуются неразрывным единством, которое получило название *юэ (музыка)*. Своеобразие понимания юэ заключается в том, что музыкальное творчество именуется высшей формой добра и красоты, достигаемой через непрерывное совершенствование навыков игры на струнных (и не только) инструментах, овладение философскими основами искусства.

Согласно одному из древнекитайских текстов «Весна и осень дома Люй», «божественным основателем» музыкального искусства был «мифический» император Ди Ку (帝嚳), небесный предок иньского народа и народности чжоу, время правления которого обозначают XXIII в. до н. э. («мифических» императоров в некоторой степени можно сравнить с древнегреческими богами, тем более что вторая жена императора, Си Хэ, называлась богиней солнца, а третья жена, Чан Си, – богиней луны). Сыновья Ди Ку придумали песни *шао* и *ле*, а также музыкальные инструменты, среди которых были литофоны, барабаны, колокола, флейты. (Здесь уместно вспомнить древнегреческие легенды о божественном происхождении многих музыкальных инструментов.)

Подражая «мифическим императорам», другие китайские государи сопровождали ритуалы и церемонии двора звучанием музыкальных инструментов. (Заметим, что общепризнанной хронологической датой древнекитайской истории является 841 г. до н. э., правление династии Чжоу). Памятуя о легенде про Куя,

«музыкального министра» Желтого императора, древнекитайские правители полагали, что, наслаждаясь звучанием музыки, можно обрести умиротворенность, с одной стороны, с другой – силу и добродетель, а с третьей – укрепить государственность. В звуках музыки воплотились представления древних китайцев об окружающем мире – небесном и земном. Иными словами, всеохватность музыкального искусства была осмыслена китайцами еще в древности, и музыка понималась в качестве отражения макрокосмической картины мира.

Ступени китайской пентатоники, зафиксированные иероглифами, характеризовали стихии: первая ступень *гун* ассоциировалась со стихией земли, центром, Сатурном; вторая *цзюэ* с востоком, весной, Юпитером; третья *чжи* – с югом, летом, Солнцем; четвертая *шан* – с западом, осенью, Венерой; пятая *юй* – с севером, зимой, Меркурием. Планеты находились в непрерывном движении на небосводе, которое понималось в качестве весьма своеобразного церемониального «танца», подчинявшегося небесной гармонии.

Эти же звуки пентатоники могли обрисовать основы социального устройства древнекитайского общества, вновь приобретая оригинальный ассоциативный ряд: первая ступень *гун* символизировала правителя; вторая *цзюэ* – народ; третья *чжи* – ритуалы благоговения; четвертая *шан* – чиновников; пятая *юй* – мудрость. Даже фальшиво звучащий (расстроенный) звукоряд пентатоники «передавал» моменты социальной нестабильности – высокомерие императора, равнодушие чиновников, оскудение казны. Подобные тонкости звучания, связанные с чистотой тона и пентатоники, были обусловлены самой природой китайской речи, когда интонированное произношение придавало необходимую смысловую окраску произносимым словам. Эту особенность китайского языка заметили еще в древности, в эпоху Шести династий (III–VI вв.).

Великий китайский мыслитель *Шэнь Юэ* (441–513), сочиняя музыку и стихи, отметил особое значение специфики произношения иероглифов в процессе пения (в сопровождении музыкального инструмента). Ритмико-интонационные связи китайских иероглифов, переложённых на музыку, оказались особенно сложными, так как важное значение имело даже малейшее звуковысотное колебание.

Уникальные связи китайских мелоса и речи, теоретически обоснованные *Шэнь Юэ*м, способствовали постепенному формированию двенадцатиступенного звукоряда, который получил название *люй-люй*; каждая ступень звукоряда – уникальное название, к примеру «множество гостей», «откликающийся колокол» и т. д. Особо отметим, что в этом строе нечётные ступени считаются «мужскими», а чётные – «женскими», а их чередование олицетворяет взаимодействие мужского начала Ян и женского Инь.

В китайской музыкальной культуре каждая ступень пентатоники также обладала и конкретным цветом. Так, например, первая ступень пентатоники *гун* ассоциируется с желтым цветом; вторая *шан* – с белым; третья *цзюэ* – с сине-зеленым; четвертая *чжи* – с красным; пятая *юй* – с черным. А «пять цветов в сочетании дают нужный оттенок» [1, с. 935, 937], необходимый для наиболее точного вникания в подтекст звучащего произведения, чтобы понять единство изменчивого и неизменного [2, с. 60]. Важнейшим моментом проявления единства *юэ* (музыки, пения, танца) был ритм, который символизировал мировое движение, взаимоотношение и взаимоотталкивание элементов, что особенно характерно для танца.

Многообразие движений танца (особенно движений рук) также сравнимо с семантическим полем, свойственным музыкальным иероглифам. И именно движения рук неожиданно роднят искусство танца и игру на струнных музыкальных инструментах – для этих

видов искусства особенно важна отточенность движений, умение невербально «пояснить» характеристики воссоздаваемого образа. Так, например, пальцы рук, соединенные вместе над струнами *циня*, означали хрупкость и женственность музыкального образа.

Резюмируя сказанное, особенно подчеркнем, что осмысление многих феноменов китайского музыкального искусства связано именно с концептуальными основами юэ. Музыка в древнекитайской культуре служила основой для миропонимания и называлась универсальным способом объяснения множества явлений окружающего мира, социального устройства и, конечно, доминантом человеческого бытия. А синкретизм юэ проявлялся в древнекитайской культуре через неразрывность функционирования видов искусства, неотделимость философии и музыки, многообразие способов художественного самовыражения личности в древнекитайском социуме.

1. *Кравцова, М. Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая : учеб. пособие / М. Е. Кравцова. – СПб. : Лань-Триада, 2004. – 960 с.

2. *Пондопуло, Г. К.* Древний Китай. Формирование культурной традиции / Г. К. Пондопуло. – М. : ВГИК, 2006. – 192 с.